

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ ПОВЕСТИ А. ГИЛЯЗОВА «ТРИ АРШИНА ЗЕМЛИ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

© Фания Юнусова, Ильдар Юнусов

POETICS OF A. GILYAZOV'S STORY TITLE "THREE ARSHINS OF LAND" IN THE CONTEXT OF 19th-CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Faniya Yunusova, Ildar Yunusov

For the first time, the article has explored the poetics of A. Gilyazov's story title "Three Arshins of Land" in the context of Russian literature, namely the story "How Much Land Does a Person Need" by Leo Tolstoy and the story "Gooseberry" by Anton Chekhov.

The methodological basis of the study is a synthesis of traditional approaches that have stood the test of time (historical-literary and comparative-historical methods) and research practices that are relatively rare in Russian literary criticism (a hermeneutic analysis and receptive aesthetics). The methodological principles of the listed trends are used depending on the specific material and the tasks set.

The article is an experience of a hermeneutic analysis including the actualization of the concepts of "a hermeneutic analysis" and "an expectation horizon". The study of intertextual echoes of A. Gilyazov's story title "Three Arshins of Land" with the stories by Leo Tolstoy and Anton Chekhov allows us not only to identify the common and different features in these texts, but also to better and deeper understand all these works. Moreover, the article reveals only an external polemical understanding of the expression "three arshins of land" by Anton Chekhov regarding the story of Leo Tolstoy "How Much Land Does a Person Need". In A. Gilyazov's story, this phraseological unit is comprehended within the framework of the Tatar cultural paradigm, which actualizes the life-giving connection of a Tatar person with their native land, with their native culture, traditions and their native world.

Keywords: "Three Arshins of Land", A. Gilyazov, Leo Tolstoy, Anton Chekhov, title, poetics

В статье впервые исследуется поэтика заглавия повести А. Гилязова «Три аршина земли» в контексте русской литературы XIX века, а именно рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» и рассказа А. П. Чехова «Крыжовник».

Методологическую основу исследования составляет синтез традиционных подходов (историко-литературный, сравнительно-исторический) с привлечением относительно редких для отечественного литературоведения исследовательских практик (герменевтический анализ, рецептивная эстетика). Принципы перечисленных направлений используются в зависимости от конкретного материала и поставленных задач.

Статья являет собой своеобразный опыт герменевтического анализа текста с актуализацией понятий «герменевтический круг» и «горизонт ожидания». Исследование интертекстуальных перекличек заглавия повести А. Гилязова «Три аршина земли» с рассказами Л. Н. Толстого и А. П. Чехова позволяет не только выявить общее и различное в этих произведениях, но также дает возможность лучше и глубже понять их. Более того, выявляется лишь внешняя полемичность понимания выражения «три аршина земли» в «Крыжовнике» А. П. Чехова относительно рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно». В повести А. Гилязова этот фразеологизм осмыслен в рамках татарской культурной парадигмы, актуализирующей особую связь татарского человека с родной землей, родной культурой, традициями, родным миром.

Ключевые слова: «Три аршина земли», А. Гилязов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, заглавие, поэтика

Знаменитая повесть А. Гилязова «Три аршина земли» является одним из вершинных произведений татарского писателя и татарской литературы в целом. Неслучайно она привлекла внима-

ние всесоюзного читателя, удостоивалась наград [1, с. 623], по ней ставились резонансные спектакли [2], ей уделялось большое внимание в литературоведении. Если в советский период на-

блюдалась ожесточенная полемика идеологического характера [3], то в новой России, особенно в XXI веке, это произведение осмыслялось преимущественно с точки зрения поэтики и национального кода. В этом смысле этапными можно назвать концептуальные труды М. М. Хабутдиновой [4], [5].

Вместе с тем, очевидно, уже назрела острая необходимость исследования некоторых конкретных (более узких) вопросов поэтики повести и соотнесения ее с произведениями других литератур, в частности русской. Так, до сих пор остается неисследованной поэтика заглавия повести А. Гилязова через призму известных текстов русской классической литературы: «Много ли человеку земли нужно» Л. Н. Толстого и полемическим по отношению к нему рассказом А. П. Чехова «Крыжовник».

Толстовский ответ – «три аршина» – на вопрос, вынесенный в заглавие его рассказа, категорически не приемлется чеховским героем в «Крыжовнике»:

«Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» [6, с. 237].

Очевидно, уже заглавием своей повести А. Гилязов включается в интертекстуальный диалог с двумя великими русскими писателями, расставляя собственные акценты и наполняя выражение «три аршина земли» дополнительными (коннотативными) смыслами.

Заглавие художественного текста – это свернутый знак книги. Как полагал С. Кржижановский, заглавие неразрывно связано с идеей произведения; заглавие и идея соотнесены друг с другом [7, с. 3–4]. Однако более продуктивной, на наш взгляд, является концепция Ю. В. Бабичевой, которая считает, что смысловые элементы произведения, в том числе заглавия, не существуют сами по себе, а так или иначе включены в контекст, который имеет и национально-литературную грань, важную для понимания целого [8, с. 62]. Здесь, пожалуй, напрашивается одно уточнение: вряд ли стоит ограничиваться рамками национальной литературы, речь вполне может и должна идти о мировой культуре. Вспомним хотя бы «Гамлет Штигровского уезда» или «Леди Макбет Мценского уезда» И. С. Тургенева. Так и А. Гилязов названием своей повести «Три аршина земли» сразу выводит ее за границы национальной словесно-художественной

традиции, переправляя читателя к русской литературе, а через нее и к мировой.

В русской и татарской языковых картинах мира выражение «три аршина земли» сегодня ассоциируется в первую очередь с устоявшимся уже в целом представлением о том, что человеку в конце его жизненного пути оказывается нужно так мало – всего лишь кусочек земли, необходимой для его собственной могилы. При этом возникает стойкое ощущение, что эта мудрая и глубокая мысль имеет народные истоки. Однако это не совсем так. Во всяком случае, среди татарских и русских поговорок и пословиц не встречается ни одного фразеологизма со сходным значением с использованием выражения «три аршина земли». Единственный вариант употребления сочетания этих трех слов можно встретить в русской поговорке «На три аршина под землю видит», когда речь идет об очень проницательном человеке. Правда, на сайте «Пословицы народов мира» мы встречаем фразеологизм «Немцам вместо крепдешина – могила в три аршина» [9], но он является своеобразным переосмыслением названия стихотворения А. Прокофьева «Немцам вместо крепдешина по могиле в три аршина», опубликованного в сатирическом журнале «Крокодил» в 1942 (см. характерную концовку в этом поэтическом тексте: [10, с. 8]).

С большой степенью вероятности А. Прокофьев в своем сатирическом произведении опирался на толстовскую формулу «трех аршинов». В основе сюжета толстовского произведения лежит обычай древних скифов, представленный в греческих источниках. Еще Геродот писал о том, что, согласно местным обычаям, скифу дарилось или продавалось столько земли, сколько он сможет обежать или объехать на лошади в течение определенного времени, а поскольку человек, как правило, в своих желаниях неограничен, то обег или объезд земли могли закончиться смертью от банальной усталости, невозможности «объять необъятное» [11, с. 697]. Вместе с тем у нас нет четких и однозначных сведений, что выражение «три аршина земли» Л. Н. Толстой позаимствовал у древних греков, из исторических работ Геродота.

Получается, таким образом, что только после появления толстовского «рассказа для народа» о смерти русского мужика Пахома от жадности, выражение «три аршина земли» легло на благодатную почву: оно было близко по духу менталитету русского народа и потому органично принято им, а со временем трансформировалось во всем известный фразеологизм. А. П. Чехов же, казалось бы, принципиально не соглашавшийся с главной идеей толстовского рассказа, тем не ме-

нее способствовал своим «Крыжовником» закреплению выражения «три аршина земли» в русском сознании в толстовском значении этого оборота речи. А. Гилязов, в свою очередь, сделал ключевым данный фразеологизм в своей повести прежде всего потому, что самая идея выражения «три аршина земли» очень органична для татарско-мусульманской идентичности, и при этом она автоматически расширялась благодаря ин-тертекстуальным перекличкам.

В герменевтике одним из центральных понятий является «герменевтический круг», согласно которому осмысление текста начинается со знакомства с названием произведения и его автором. Далее, по ходу чтения, это первоначальное предположение о замысле произведения постоянно корректируется, конкретизируется, углубляется. И только с прочтением последнего предложения и осмыслением всего прочитанного от заглавия до обычно указываемого в конце даты завершения работы автором над произведением делаются условно окончательные выводы о его идее. В отпочковавшемся от герменевтики литературоведческом направлении, а именно рецептивной эстетике, важнейшую роль играет понятие «горизонт ожидания», в соответствии с которым характер читательского восприятия определяется множеством факторов, в том числе эпохой, господствующей идеологией, цивилизационной принадлежностью, культурным уровнем, филологической подготовленностью, возрастом, полом и т. д. Понятно, что «горизонт ожидания» в процессе чтения корректируется, но исходной позицией остаются имя автора, название произведения и дополнительно – различные рекомендации (от знакомых до авторитетных специалистов с их позицией, взглядом на произведение) и т. д.

Условный читатель, впервые встретившийся с названием произведения «Три аршина земли», может ожидать два типа сюжета.

Первый тип сюжета связан с пониманием фразы «три аршина земли» вне фразеологического контекста: это может быть какой-то земельный спор, или защита границ страны, или любовь к родной земле, родному уголку. Второй тип сюжета может быть связан с пониманием выражения «три аршина земли» как фразеологизма и, соответственно, речь в произведении, скорее всего, должна идти о смерти. При этом значение данного фразеологизма неизбежно предполагает переосмысление главными героями в целом неправильно прожитой жизни перед лицом смерти, что автоматически должно придавать произведению определенную философскую глубину, экзистенциальное измерение. Автор-

ская идентификация жанра как повести позволяет ожидать относительно развернутый, но простой сюжет. Фамилия и имя автора позволит обычному российскому читателю предположить, что речь в произведении пойдет, по-видимому, о нерусских по этнической принадлежности героях и с большой степенью вероятности в нерусских регионах.

Филологически более продвинутый читатель будет иметь несколько иной «горизонт ожидания». Он также может предположить о двух возможных типах сюжета. Однако при этом заглавие повести А. Гилязова у него сразу же будет ассоциироваться с произведениями Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Филологически подготовленный читатель может знать, что А. Гилязов – татарский писатель, один из немногих, кто не побоялся идти против официоза при освещении острых социальных и национальных проблем. У этого типа читателя рождается интерес к данному произведению, этот тип читателя может задаться вопросом, как же автор высветит известный фразеологизм применительно к нерусской, татарской жизни. В дальнейшем анализе мы будем условно ориентироваться на филологически подготовленного читателя.

Предисловие к повести «Три аршина земли» является следующим этапом герменевтического круга, выявляющим обоснованность или необоснованность некоторых ожиданий читателя. Здесь он убеждается, что главные герои повести, действительно, нерусские, а именно татары; в произведении ключевую роль играет смерть, что, в свою очередь, придает ему трагическое звучание. И кажется, что чеховская интерпретация «трех аршинов земли» в предисловии более близка А. Гилязову, нежели толстовская [12, с. 5].

После чтения первой главы повести становится понятно, что главный герой Мирвали везет свою тяжелобольную жену Шамсегаян в Татарстан, в их родную деревню. Они не доезжают до Казани из-за резко ухудшившегося состояния Шамсегаян, и их высаживают на ближайшей станции, чтобы сразу положить ее в больницу. Шамсегаян (ее имя перекликается с именем героини народного рассказа Л. Н. Толстого «Илья», идеологически примыкающего к «притче» о Пахоме, – Шам-Шемаги) хочет умереть в родном Карачурово. И заглавие повести «Три аршина земли» в сознании читателя соотносится в первую очередь с умирающей Шамсегаян. Вместе с тем странно ведет себя ее муж, не желающий везти больную супругу именно в Карачурово. Обращает внимание, что он курит «папиросу за папиросой» [13, с. 100].

Л. Н. Толстой в статье «Для чего люди одурманиваются» писал, что человек курит в первую очередь для того, чтобы заглушить собственную совесть:

«Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне именно хотелось не помнить то, что я помнил – хотелось забыть, не думать» [14, с. 276].

Можно предположить, что и у Мирвали на душе есть то, что он стремился изгнать из памяти, и это что-то связано с Карачурово. Примечательно, что мотив связи курения с отсутствием спокойствия в душе присутствует и в «Крыжовнике» (см. эпизод с трубкой на столе Ивана Ивановича, от которой сильно пахло перегаром табака: [6, с. 243]).

Подобно герою толстовского рассказа Пахому, трудолюбивому крестьянину, возводившему в культ землю, в герое татарского писателя тоже угадывается хороший работник, любящий и понимающий сладость крестьянского труда [13, с. 107]. Его больная жена так же жадно наслаждается красотой урожая [Там же, с. 110]. У Шамсегаян при виде зреющей ржи вырывается признание, что она не была счастлива, во всяком случае полностью, прежде всего потому, что прожила большую часть жизни в городе, в отрыве от земли.

Во второй главе Шамсегаян умирает, обращаясь к мужу с последней волей похоронить ее именно в Карачурово, чего почему-то сильно не хочет Мирвали. Мотив особого отношения Мирвали и Шамсегаян к земле, крестьянскому труду во второй главе сохраняется. Шамсегаян какую-то особую интимную связь с землей распространяет на всех татар: «*Наш народ, уж исстари повелось, он землей живет, не насытится на нее...*» [Там же, с. 115].

После прочтения второй главы название повести «Три аршина земли» в сознании читателя по-прежнему соотносится главным образом с умирающей Шамсегаян. Реципиент четко осознает, что и в рассматриваемых рассказах Л. Н. Толстого и А. П. Чехова «три аршина земли» оказываются жесткой констатацией неправильности и даже бессмысленности предыдущей жизни главных героев. И у читателя повести А. Гилязова появляются вопросы, как эта совестливая, трудолюбивая женщина оказалась в ситуации, что перед лицом смерти у нее тоже на душе беспокойно, что вся ее прошедшая жизнь нуждается в переосмыслении и переоценке. Хотя становится очевидно, что эта ее поездка в родное

Карачурово и есть отчаянная попытка исправления когда-то допущенной ошибки.

Третья глава повести ключевая. По объему она равна и даже чуть превосходит все остальные главы произведения, вместе взятые. Она дает ответы на главные вопросы читателя.

Мирвали дали коня с телегой, чтобы он довез покойную Шамсегаян до Карачурово. Сам же он шел все эти 58 верст пешком, ведя диалог с умершей супругой о причинах его молчания и неудавшейся их жизни.

Мирвали вспоминает всю свою жизнь. Родился в самой богатой семье в ауле. За то, что женился на самой красивой девушке из самой бедной семьи, отец выгнал его из дома. Молодожены тем не менее были счастливы. Но умерли родители Мирвали, все семейное богатство перешло по наследству к нему, и, когда в период коллективизации потребовали поделиться этими богатствами, Мирвали не смог побороть внезапно проявившееся чувство собственника: «*Стало быть, он должен отдать все: весь скот, все имущество, и остаться в пустом доме с голыми стенами?.. Нет!..*» [Там же, с. 139]. Мирвали уничтожает всю скотину, зерно, вещи и ночью, забрав с собой Шамсегаян, покидает родной аул. Более того, через полтора года, ничего не сказав жене, он вновь приезжает в Карачурово и поджигает не только свой дом, ставший правлением колхоза, но и колхозные поля, навсегда лишая себя возможности вернуться. И все эти тридцать долгих лет он хотел забыть и этот поступок, и Карачурово. И все эти годы его раздражала жена, одним своим существованием не дававшая забыть Карачурово:

«Всякий раз, как взглянешь на тебя, ты <Шамсегаян> напоминала про Карачурово. А мне хотелось забыть, навеки вычеркнуть из сердца память о нем... Однако, выбросив из сердца эту деревню, я видно, умудрился забыть и о тебе» [Там же, с. 129].

За тридцать лет жизни вне Карачурово не было у Мирвали ничего праздничного, радостного, запоминающегося.

Сохраняются в третьей главе мотивы особого отношения к земле, курения как косвенного признака беспокойства на душе. Но эти мотивы здесь уже не доминирующие, как в первых двух главах.

Во-первых, здесь впервые после названия используется сочетание «три аршина земли»:

«Много ли нам с тобой <Шамсегаян> теперь надо?.. Человеку довольно трех аршин земли... Столько можно найти где угодно. Свет велик, земля раздольна. За три аршина с тобой и то вон сколько проехали... Три арши-

на земли! А большего и не надо...» [Там же, с. 136–137].

Читателю здесь становится ясно, что заглавие «Три аршина земли» относится не только к Шамсегаю, но и к Мирвали. Читатель выходит на новый круг обобщений. Здесь все же Мирвали в своем понимании трех аршинов земли ближе к Л. Н. Толстому. И он пытается убедить мертвую Шамсегаю, что эти три аршина везде можно легко найти. Но сам же понимает, что для Шамсегаю имеет значение «три аршина земли» только на родной земле, только на карачуровском кладбище.

Во-вторых, в третьей главе одним из доминирующих становится мотив констатации, осмысления, осуждения неправильной прожитой жизни героями перед лицом смерти. Во всех трех исследуемых произведениях актуализация мотива «трех аршинов земли» актуализирует и рефлексивную, переосмысленную и осужденную неправильно прожитой героями жизни, даже ее бессмысленности. При этом и у Л. Н. Толстого, и у А. П. Чехова, и у А. Гилязова возникает четко выраженная антитеза духовного и материального. В толстовском рассказе поклонение героя материальным ценностям оказывается тождественным преклонению перед чертом (бесом). Главный герой Пахом никак не может насытиться богатством, ему хочется еще и еще. При этом процесс его обогащения сопровождается прямо пропорциональным процессом отчуждения от людей, утраты нормальных и естественных отношений. В «Крыжовнике» «духовность» главного героя заключалась в чтении исключительно объявленных о продаже десятин земли и усадеб, что на пике его «счастья» привело к печальному финалу. Здесь так же, как и у Л. Н. Толстого, чеховский персонаж теряет нормальные отношения с людьми, отношения становятся натянутыми (так, с кем-то он судился [6, с. 239]). В «Трех аршинах земли» материальное и духовное сталкиваются в душе Мирвали, когда он предпочитает уничтожить вдруг выпавшее на его долю богатство после смерти отца, чтобы оно не досталось никому. Из-за собственнических чувств Мирвали порвал отношения со всеми односельчанами, с родной землей. И в итоге вся его жизнь была сплошным существованием, ибо не было в ней ни тонких любовных чувств, ни правильных глубоких мыслей [13, с. 130]. Более того, Мирвали приходит к выводу о бессмысленности его супружеской жизни [Там же, с. 136–137].

Любящая же его Шамсегаю разделяет судьбу мужа в надежде, что ее Мирвали когда-то повинится перед своими земляками. Сама же Шамсе-

гаю самое стремление найти упокоевание на трех аршинах земли именно в Карачурово понимает как своего рода знак признания собственной вины и покаяния перед односельчанами, как попытку достичь искомого мира в душе.

И здесь, в-третьих, можно констатировать, что разговор о трех аршинах земли – это всегда разговор о душе. Именно в третьей главе концепт «душа» становится ключевым.

Данный концепт важен для всех рассматриваемых писателей.

В толстовском «Круге чтения» читаем:

«Нам кажется, что самая главная на свете работа – это работа над чем-нибудь видимым: строить дом, пахать поле, кормить скот, собирать плоды, а работа над своей душой, над чем-то невидимым – это дело неважное, такое, какое можно делать, а можно и не делать. Между тем только одно это дело, работа над душой, над тем, чтобы делаться с каждым днем лучше и добрее, только эта работа настоящая, а все остальные работы, видимо, полезны только тогда, когда делается эта главная работа над душою» [15, с. 50].

Игнорирование работы над собственной душой завершилось для Пахома трагически.

В «Крыжовнике» с иронией говорится, что главный герой думал о своей душе, творил добро, но не просто, а с какой-то особенной важностью, «по-барски» [6, с. 240].

В третьей главе «Трех аршинов земли» мотив души становится доминирующим. Концепт «душа», по нашим подсчетам, используется в повести 14 раз, причем речь идет как о душе Мирвали, так и о душе Шамсегаю.

Примечательно, что некоторые члены редколлегии журнала «Дружба народов» при обсуждении повести А. Гилязова и отдельные татарские литературоведы 1960-х годов в своих статьях, чувствуя определенное родство духовных исканий татарского писателя и Л. Н. Толстого, обвиняли первого в «толстовском всепрощении» [16, с. 593], [17, с. 602].

В заключительной, четвертой, главе Мирвали, похоронив Шамсегаю, видит, что никто из односельчан общаться с ним не желает и ему нужно делать выбор: остаться в Карачурово, попросив и заслужив прощение в соответствии с последней волей супруги, или же уехать. В этой главе читатель видит, что вновь актуализируется мотив «трех аршинов земли». Мирвали, осторожно прощупывающий возможную реакцию карачуровцев на его желание остаться жить в родных местах, говорит: «Мне теперь уже много не надо... Что положено прожить, прожито. Теперь трех аршин земли хватит...» [13, с. 155]. Мирвали пытается наполнить здесь выражение

«три аршина земли» толстовским содержанием, стремясь подчеркнуть, что на многое он уже не претендует, он просто ожидает смерти. Однако его тезка наполняет эти три аршина совершенно иной коннотацией:

«Три аршина?.. Дорога она родная земля. Ох как дорога! Сколько моих земляков сложили за нее головы на чужой стороне... Три аршина. Много ты прошишь, Мирвали!» [Там же].

Впрочем, и для Мирвали родной аул дорог, поскольку Карачурово основал именно его прадед, здесь покоятся все его предки, отец, мать, жена. Как видно, в повести татарского писателя выражение «три аршина земли» приобретает новые коннотации. Даже вершок родной земли оказывается чрезвычайно дорог. А право на три аршина родной земли нужно заслужить всей своей жизнью. При этом самая возможность упокоиться на трех аршинах своей родной земли является счастьем. Шамсегаян, смертельно больная, едет тысячи километров, чтобы быть похороненной в родном Карачурово, и когда осознает, что все-таки достигнет своей цели, она умирает с чувством исполненного долга, с миром в душе.

При этом в четвертой главе особо актуализируется потребность каждого человека в общении, в добром к себе отношении. По мнению татарского писателя, очень важно, чтобы ласковое слово и теплый взгляд дарили тебе на твоей родной земле близкие тебе люди. И именно у татарского писателя показывается, что с упокоением человека в трех аршинах земли его связь с другими людьми не завершается. Во всяком случае, его помнят любящие и близкие ему люди, они стараются максимально облагородить это место упокоения:

«Если человек умрет, в четырех углах его могильной ограды ставят четыре высоких шеста со скворешнями. С весенними теплыми ветрами из дальних стран в Карачурово прилетает невесть сколько скворцов. Они гнездятся на знакомом, обжитом, тихом кладбище и выводят птенцов... Чем больше у тебя родни, чем светлее память о тебе в сердцах друзей, тем дольше стоят скворешни над твоей могилой. Карачуровцы приглядывают за ними, каждый год чистят их, чинят...» [Там же, с. 149].

Подведем итоги. Читатель-реципиент по завершении чтения повести может заключить, что выражение «три аршина земли» в одноименной повести А. Гилязова, во многом перекликаясь с толстовским и чеховским рассказами, наполнено особенными смыслами, актуализирующими привязанность человека к своему родному краю, земле, людям.

Опыт герменевтического исследования повести А. Гилязова «Три аршина земли» в контексте произведений русской литературы привел к следующим выводам:

1. Неожиданно выявилось, что полемичным рассказ А. П. Чехова по отношению к рассказу Л. Н. Толстого является лишь на первый, поверхностный взгляд. Вряд ли Л. Н. Толстой не понимал, что три аршина земли нужны не человеку, а трупу. Просто он своим ответом на вопрос, вынесенным в заглавие произведения, пытался максимально четко выразить ту же мысль, что и А. П. Чехов в «Крыжовнике»: жизнь, лишенная духовных поисков, посвященная погоне исключительно за материальными ценностями, бессмысленна. В какой-то мере разделяется эта мысль и в произведении татарского писателя, где главный герой совершает роковую ошибку из-за своей привязанности к неожиданно выпавшему на его долю богатству.

2. Однако основной причиной драматического поворота жизни главного героя повести А. Гилязова является то, что он отступился от родной земли, от родных для него людей. В произведениях же Л. Н. Толстого и А. П. Чехова отчуждение, утрата нормальных человеческих связей с другими людьми у главных героев выглядит как следствие их заикленности на материальных ценностях.

3. Обращение к теме «трех аршинов земли» во всех рассматриваемых произведениях актуализирует мотивы души и переосмысления жизни (автором или героем).

4. В повести А. Гилязова появляются новые дополнительные коннотации в интерпретации фразеологизма «три аршина земли». Во-первых, подчеркивается значимость и важность возможности найти упокоение в трех аршинах именно родной земли. Во-вторых, подчеркивается, что с захоронением человека в могиле он не перестает существовать в памяти других людей, которые продолжают ухаживать за его тремя аршинами земли.

5. В рассказах Л. Н. Толстого и А. П. Чехова круг вопросов, связанных с фразеологизмом «три аршина земли», разрешался преимущественно в рамках русской культурной парадигмы с ярко выраженной духовной, антимещанской направленностью. В повести же А. Гилязова при решении той же проблемы главным образом доминировала система татарских ценностей: острая необходимость связи с родной землей, культурой, традициями, татарским миром как таковым.

6. Самое заглавие повести А. Гилязова актуализирует важнейшие пласты и смыслы татарской, русской, советской, мировой культуры. На-

рочито подчеркнутая интертекстуальность заглавия А. Гилязова адресует читателя не только к рассмотренным рассказам Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, но и шире – к их творчеству и философии в целом, фольклору, культуре античности.

Список источников

1. Премии журнала «Дружба народов» // А. М. Гыйләжєв. Сайланма әсәрләр: 6 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. Т. 2. Б. 622–623.
2. Хабутдинова М. М. Сценическая история трагедии А. Гилязова «Три аршина земли» (на примере одноименных спектаклей реж. Ф. Ибрагимова, М. Салимзянова) // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 1 (35). С. 215–222.
3. Куракова Ч. М. Творчество татарского писателя А. М. Гилязова в оценке советских критиков 1960–1970-х гг. (на примере повести «Три аршина земли») // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2 (36). С. 145–149.
4. Хабутдинова М. М. Национальный миф в повести А. М. Гилязова «Три аршина земли» // Вестник ТГГПУ. 2009. № 1(16). С. 103–109.
5. Хабутдинова М. М. Трансформация идеологических конструкций в повести Аяза Гилязова «Три аршина земли» (1962) // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2 (24). С. 238–241.
6. Чехов А. П. Крыжовник // А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 9. М.: Правда, 1985. С. 234–243.
7. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Кооперативное Издательство Писателей «Никитинские Субботники», 1931. 32 с.
8. Бабичева Ю. В. Поэтика заглавия // Вестник ТГПУ. 2000. Вып. 6. Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 61–64.
9. Немецкая грабь-армия. URL: <http://www.randewy.ru/razn/poslov9.html> / (дата обращения: 16.05.2022).
10. Прокофьев А. «Немцам вместо крепдешина по могиле в три аршина» // Крокодил. 1942. № 6. С. 8.
11. Срезневский В. И. Много ли человеку земли нужно? // Л. Н. Толстой Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 25. М.: Художественная литература, 1937. С. 696–699.
12. Кутуй Р. Что за зеркалом? // А. М. Гилязов. При свете зарниц. Повести: пер. с татар. М.: Советская Россия, 1990. С. 3–6.
13. Гилязов А. М. Три аршина земли // А. М. Гилязов. При свете зарниц. Повести: пер. с татар. И. Г. Гизатуллина. М.: Советская Россия, 1990. С. 99–158.
14. Толстой Л. Н. Для чего люди одурманиваются // Л. Н. Толстой Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 27. М.-Л.: Художественная литература, 1933. С. 269–285.
15. Толстой Л. Н. Круг чтения // Л. Н. Толстой Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 41. М.-Л.: Художественная литература, 1957.

16. Редакция журнала «Дружба народов». Стенограмма обсуждения повести т. Аяза Гилязова «Три аршина земли» 29 августа 1963 года // А. М. Гыйләжєв Сайланма әсәрләр: 6 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. Т. 2. Б. 591–600.

17. Мусин Ф. Встречи с современником не состоялось // А. М. Гыйләжєв Сайланма әсәрләр: 6 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. Т. 2. Б. 600–602.

References

1. *Premii zhurnala "Druzhba narodov"* (2013) [Prizes of the Magazine "Friendship of Peoples"]. Gyllәjєv A. M. Sailanma asarlar 6 t. 2 t., pp. 622-623. Kazan, Tatar. kitap nashr. (In Russian)
2. Khabutdinova, M. M. (2014). *Stsenicheskaya istoriya tragedii A. Gilyazova "Tri arshina zemli" (na primere odnoimennykh spektakley rezh. F. Ibragimova, M. Salimzyanova)* [Stage History of Ayaz Gilyazov's Tragedy Tri Arshina Zemli (Three Feet of Land) (based on Fail Ibragimov's and Marsel Salimzyanov's productions)]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1 (35), pp. 215-222. (In Russian)
3. Kurakova, Ch. M. (2014). *Tvorchestvo tatarskogo pisatelya A. M. Gilyazova v otsenke sovetskikh kritikov 1960-1970-kh gg. (na primere povesti "Tri arshina zemli")* [Evaluation of the Tatar writer A. M. Gilyazov's Creative Work by Soviet Literary Critics of the 1960s-1970s (based on the Story "Three Feet of Land)]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (36), pp. 145-149. (In Russian)
4. Khabutdinova, M. M. (2009). *Natsional'nyy mif v povesti A. M. Gilyazova "Tri arshina zemli"* [National myth in A. M. Gilyazov "Three Arshins of Land"]. *Vestnik TGGPU*. No. 1(16), pp. 103-109. (In Russian)
5. Khabutdinova, M. M. (2011). *Transformatsiya ideologicheskikh konstruktov v povesti Ayaza Gilyazova "Tri arshina zemli" (1962)* [Transformation of Ideological Constructs in Ayaz Gilyazov's Story "Three Arshins of Land" (1962)]. *Vestnik TGGPU*. No. 2 (24), pp. 238-241. (In Russian)
6. Chekhov, A. P. (1985). *Kryzhovnik* [Gooseberry] A. P. Chekhov *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*. T. 9, pp. 234-243. Moscow, Pravda. (In Russian)
7. Krzhizhanovskiy, S. (1931). *Poetika zaglavii* [Poetics of Titles] 32 p. Moscow, Kooperativnoye Izdatel'stvo Pisatelye "Nikitinskiye Subbotniki". (In Russian)
8. Babicheva, Yu.V. (2000). *Poetika zaglaviya* [Poetics of the Title]. *Vestnik TGPU*. No. 6, pp. 61-64. Seriya: Gumanitarnyye nauki (Filologiya). (In Russian)
9. *Nemetskaya grab'-armiya* [The German Rob-Army]. URL: <http://www.randewy.ru/razn/poslov9.html> / (accessed: 05.16.2022). (In Russian)
10. Prokof'yev, A. (1942). *Nemtsam vmesto krepdeshina po mogile v tri arshina* [For the Germans, Instead of Crepe de Chine, a Grave of Three Arshins]. *Krokodil*. No. 6, p. 8. (In Russian)
11. Sreznevskii, V. I. (1937). *Mnogo li cheloveku zemli nuzhno?* [How Much Land Does a Person Need]. L. N. Tolstoi. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t*. T. 25. Pp.

696–699. Moscow – Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

12. Kutui, R. (1990). *Chto za zerkalom?* [What Is There Behind the Mirror?]. A. M. Gilyazov. Pri svete zarnits. Povesti: per. s tatar. Pp. 3 – 6. Moscow, Sov. Rossiya. (In Russian)

13. Gilyazov, A. M. (1990). *Tri arshina zemli* [Three Arshins of Land]. A. M. Gilyazov. Pri svete zarnits. Povesti: per. s tatar. Pp. 99 – 158. Moscow, Sov. Rossiya. (In Russian)

14. Tolstoi, L. N. (1933). *Dlya chego lyudi odurmanivayutsya* [Why Do People Get Intoxicated]. L. N. Tolstoi. Polnoe sobranie sochinenii v 90 t. T. 27, pp. 269–285. Moscow – Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

15. Tolstoi, L. N. (1957). *Krug chteniya* [The Reading Circle]. L. N. Tolstoi. Polnoe sobranie sochinenii v 90 t. T. 41. Moscow – Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

16. *Redaktsiya zhurnala “Druzhba narodov”. Stenogramma obsuzhdeniya povesti t. Ayaza Gilyazova “Tri arshina zemli” 29 avgusta 1963 goda* (2013) [Editorial Staff of the Magazine “The Friendship of Peoples”. A Transcript of the Discussion Devoted to the Story of Comrade Ayaz Gilyazov “Three Arshins of Land” on August 29, 1963]. A. M. Gylløjev. Sailanma asarlar 6 t. 2 t., pp. 591–600. Kazan, Tatar. kitap nashr. (In Russian)

17. Musin, F. (2013). *Vstrechi s sovremennikom ne sostoyalos'* [The Meeting with His Contemporary Did Not Take Place]. Gylløjev A. M. Sailanma asarlar 6 t. 2 t., pp. 600–602. Kazan, Tatar. kitap nashr. (In Russian)

The article was submitted on 17.09.2022
Поступила в редакцию 17.09.2022

Юнусова Фания Васбирахмановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Бирский филиал Башкирского
государственного университета,
452453, Россия, Бирск,
Интернациональная, 10.
fania_yunus@mail.ru

Yunusova Faniya Vasbirakhmanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Birsk Branch of Bashkir State University,

10 Intrenatsionalnaya Str.,
Birsk, 452453, Russian Federation.
fania_yunus@mail.ru

Юнусов Ильдар Шайхенурович,
доктор филологических наук,
профессор,
Бирский филиал Башкирского
государственного университета,
452453, Россия, Бирск,
Интернациональная, 10.
ildar_yun@rambler.ru

Yunusov Ildar Shaykhenurovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Birsk Branch of Bashkir State University,

10 Intrenatsionalnaya Str.,
Birsk, 452453, Russian Federation.
ildar_yun@rambler.ru